

скоротилася відповідно на 48,9% та 82%, на території колишнього Овруцького повіту – на 78%. Натомість у поліських волостях Рівненського повіту та Кисорицької волості Овруцького повіту їхня чисельність збільшилася відповідно на 12,7% і 362,8%. Порівнюючи відому нам максимально зафіксовану кількість поселень на території Середнього Полісся у 1921 р. для частини поліських земель, які відійшли до Польщі, та 1926 р. – у межах радянської України, з кількісним складом населених пунктів у 1946 р. виявляємо значно більші розбіжності. У поліській частині Новоград-Волинського повіту кількість поселень зменшилася на 54%, у Житомирському повіті (Горошківська та Ушомирська волості) – на 45%, в Овруцькому повіті – на 97%, у Рівненському повіті – на 2,7%. У Кисорицькій волості Овруцького повіту кількість поселень у 1926 – 1946 рр. збільшилася на 18%.

На жаль, через брак даних про кількість поселень станом на кінець 1930 х рр. не можемо достеменно визначити конкретний період часу, коли почалася ліквідація великої кількості малодвірних поселень Середнього Полісся. Однак наведені дані засвідчують, що, ймовірно, зменшення кількості поселень було похідне від колективізації, під час якої селян примусово концентрували в більших поселеннях, насамперед через усупільнення земельних фондів, що позбавляло економічного підґрунтя розвитку малодвірних поселень хутірського типу.

Отже, впродовж другої половини ХІХ – початку ХХ ст. на території Середнього Полісся відбулися чималі зміни в мережі поселень, виникла значна кількість нових населених пунктів різних типів. Збільшення кількості поселень зумовлювало не лише збільшення чисельності населення, воно також неабияк залежало від певних адміністративних заходів, від зміни визначення критеріїв окремих соціальних типів поселень.

1. Забелин А. Военно-статистическое обозрение Вольнской губернии. – К., 1887. – Ч. 1.
2. Козакевич М. З. Типи поселень на українському Поліссі // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства. – К., 1959.
3. Тутковский П. А. Антропогеографические этюды по Вольни // Труды Общества исследователей Вольни. – Житомир, 1915. – Т. 13. – Вып. 1.
4. Козакевич М. З. Типи поселень на українському Поліссі // Матеріали з етнографії та мистецтвознавства. – К., 1959.
5. Гладкий М. Традиційне скотарство Середнього Полісся другої половини ХІХ – першої третини ХХ ст. – Дрогобич, 2007.
6. Список населённых мест Вольнской губернии. – Житомир, 1911.
7. Nowicki F. Wolyń i jego mieszkance w r. 1863. – Drezno, 1870.
8. Памятная книжка Вольнской губернии на 1906 г. – Житомир, 1905.
9. Список населенных мест Вольнской губернии. – Житомир, 1906.
10. Материалы подворной переписи Вольнской губернии. 1910 г. – Житомир, 1914.
11. Обзор Вольнской губернии за 1911 г. – Житомир, 1912.
12. Военно-топографическая карта Вольнской губернии. – Ряд XX, лист 5-8; ряд XXI, лист 5-8.
13. Толмачев И. Н. Юго-Западный край: статистическое обозрение. – К., 1897. – Т. 1:

Восточное Полесье.

14. Статистичний довідник по Коростенській окрузі. – Коростень, 1928.
15. *Skorowidz miejscowosci Rzeczy Pospolitej Polskiej. – Warszawa, 1924. – Т. 8: Wojewodstwo Poleskie.*
16. Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ на 1 вересня 1946 року. – К., 1947.
17. Список населенных мест Вольнской губернии. – Житомир, 1887.
18. Список населенных пунктов Вольнской губернии. – Житомир, 1899.

Н.И. Суханова

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ НА СТАВРОПОЛЬЕ

Поведение различных социальных групп населения Северного Кавказа в условиях гражданского противостояния всегда отражало адекватность проводимой в стране и регионе политики. Поэтому поучительным представляется обращение, кроме прочего, к опыту „белой” политики в отношении крестьянства южной окраины России. Своеобразие аграрно-крестьянского вопроса в его национально-региональном разрезе в годы гражданской войны – это тема с давней историографической традицией. Впрочем, только с 90-х гг. ХХ в. стало возможным всестороннее изучение крестьянской проблемы в условиях Белого движения [1]. Интерес к этой проблеме начал усиливаться по мере того, как осложнялась политическая ситуация на Северном Кавказе. В настоящее время исследование аграрной политики белого движения в регионе нуждается в углублении в сторону изучения истории повседневности крестьянской жизни, реакции разных слоёв сельского населения на политику, проводимую белыми, взаимоотношений крестьян между собой в полиэтничном регионе, а также особенностей осуществления этой политики в разных регионах Северного Кавказа. Задачу данной статьи автор видит в том, чтобы раскрыть практическую деятельность белой администрации по выработке и реализации аграрной политики в одном из регионов Северного Кавказа – Ставропольской губернии – в условиях гражданской войны. При этом в статье предпринята попытка показать особенности губернии и их учёт при проведении преобразований.

Осенью 1918 г. Ставропольская губерния была занята войсками Добровольческой армии. После большевистского декрета „О земле” настроения местного крестьянства были неоднозначны. Поддерживая приход Добровольческой армии, преобладающая часть крестьян ожидала демократизации экономической и политической жизни сообщества. До октября 1917 г. региональное крестьянство отличалось тем, что вело индивидуальное хозяйство, почти не знало конкуренции с помещичьим хозяйством из-за незначительного количества такогового и имело достаточно высокий уровень жизни.

Лидеры Белого движения не предложили местному населению никаких созидательных программ, кроме „непредрешения всех сторон

жизни". „Конституция генерала Л. Г. Корнилова” объявляла аграрное законодательство исключительной прерогативой Учредительного собрания. До его созыва все действия в отношении земли признавались незаконными.

Генерал А. И. Деникин не просто откладывал решение аграрного вопроса за его ненужностью или не понимал его важности. Противоречивость той ситуации, в которой он оказался (между интересами разных категорий земледельцев), делало для него решение вопроса о земле слишком сложным. Сдерживало Деникина и преобладание казачества в регионе. Казачье землевладение не могло быть затронуто реформированием из-за нежелания Деникина терять серьезную социальную и военную опору в лице казачества.

Первым законодательным актом деникинского Особого совещания в аграрной сфере стало распоряжение об отмене запрета Временным правительством земельных сделок, который сдерживал крестьян в увеличении посевов [2, 16]. Добровольческая армия нуждалась в продовольствии, поэтому в феврале 1919 г. был принят приказ о засеивании полей. Несмотря на то, что власть обещала помочь с уборкой урожая в пользу крестьян, было засеяно от одной трети до половины угодий [3, 50]. В этом факте проявилось недоверие местного крестьянства к белым и боязнь возврата земли бывшим владельцам. Это вынудило Деникина издать в июне 1919 г. приказ „О запрете восстановления насильственным путем нарушенных прав земельных собственников” [4, 157].

Тогда же был разработан продовольственный план, направленный на создание „возможно большего запаса хлеба, как ...объекта и фактора политического и экономического влияния” [5, 91]. Приказом военного губернатора определялось количество сдаваемого крестьянами хлеба [6, 48]. При этом заготовка сельхозпродуктов внутри губернии должна была осуществляться за наличный денежный расчет, а за её пределами – путем товарообмена.

От крестьянства губернии на имя Военного губернатора поступало много жалоб на некоторые части Добровольческой армии, которые, приобретая продовольствие, уплачивали вместо денег реквизиционные квитанции. Не лучше обстояло дело заготовки продовольствия через частные торговые фирмы и кооперацию – частыми были случаи надувательства, „выжимания” хлеба, расчета всевозможными бумагами, но не деньгами. Отсутствие денежных знаков и золотой валюты пытались заменить фондом различных товаров, но и они были дефицитом.

Военные заготовки разрешались далеко не на всех территориях. Военный губернатор Валуев издал указ, по которому часть территории Ставропольской губернии к северу от линии р. Кума, Святой Крест, р. Малая Буйвола, с. Птичье и северной границы Кубанской области была включена в армейский район, в котором допускались заготовки военными властями. На некоторых территориях военные заготовки продовольствия запрещались из-за низкого уровня производства хлеба [7, 38]. Это делалось с целью недопущения недовольства со стороны местного населения.

Политика реквизиций влекла за собой и ограничение свободы торговли. В марте 1919 г. губернатор Ставропольской губернии пытался пресечь вывоз хлеба из Туркменского уезда в Астраханскую губернию. Границу объявили закрытой, грузы задерживали, отправителей арестовывали [8, 1]. Сложно было принимать решения по каждому конкретному случаю. Поэтому следующим вынужденным шагом белых стало государственное регулирование продовольственных проблем, единственно реальная мера в условиях войны.

В силе оставалась хлебная монополия и твердые цены на хлеб, а кое-где и на вино [9, 11]. Это давало возможность пополнить незначительный бюджет Добровольческой армии и сократить распространение спиртного среди населения и армии.

Продовольственные проблемы городов и поселков городского типа планировалось решить за счет свободной торговли, но её, фактически, не существовало. Цены рынка и спекуляция не давали возможности малоимущим слоям населения приобретать необходимые продукты. Для борьбы со спекуляцией принималось много указов, законов, предписаний. В ноябре 1919 г. Особым совещанием были приняты законы об уголовной ответственности за спекуляцию, где предписывалось „временно усилить строгость наказания” по делам о превышении цен и спекуляции. За спекуляцию продуктами следовало наказание в виде реквизиции товара с удержанием 20% его стоимости [10, 12].

Для снабжения фронта и тыла деникинское правительство ввело военный сбор по 5 пудов зерна или зернофуража с каждой засеянной десятины. Крестьянство саботировало эту повинность, что снова приводило к необходимости введения принудительного характера поставок [11, 13]. Такие колебания в продовольственной политике не укрепляли авторитета Добровольческой армии. Однако относительная исполнительность ставропольских крестьян удивила даже Деникина. „Злополучный „третий сноп”, – писал он, – введенный ещё в период нашего походного законодательства, на клочке Ставропольской губернии для урожая 1918 года, сохранился в неприкосновенности” [12, 185]. В 1919 г. в Ставропольской губернии был отменен, введенный в сентябре 1918 г., налог в пользу Добровольческой армии. Это было сделано в связи с вывозом из неё продовольствия в другие регионы и повышением акцизов на чай, керосин, нефть и пивоарение [13, 38].

Ужесточение военно-политического противостояния подвело Деникина к пониманию необходимости выработки аграрного законодательства. 24 марта 1919 г. была опубликована Декларация Деникина о земельном вопросе [14, 87]. В „Декларации” Деникина формировались задачи построения новых аграрных отношений. Основой будущей России он видел крестьян-собственников, чьи мелкие и средние хозяйства укреплялись за счет казенных и частновладельческих земель. Провозглашалось сохранение права собственности на землю, а захватившие землю получали право длительной аренды с уплатой бывшим владельцам или

государству 1/3 урожая зерновых 1919 г. и 1/5 – урожая будущего 1920 г. [15, 1].

Для каждой местности определялись размер земли, которую можно оставить прежним землевладельцам, и порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным крестьянам. Переходы эти должны были совершаться добровольно или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату [16, 3].

Наделы земли, не превышающие установленных размеров, должны были укрепляться за новыми владельцами земли на правах незыблемой собственности. Высокопроизводительные хозяйства отчуждению не подлежали. Основой новой системы землевладения должно было стать рыночное хозяйство с учетом „интересов трудящегося населения”. Свою позицию по земельному вопросу А. Деникин высказал сжато: „Обеспечение сельскохозяйственного производства, сохранение принципа собственности и, по возможности, меньшее нарушение сложившихся в деревне взаимоотношений” [17, 2-3 об.].

Непопулярность аграрной политики белых, отсутствие у них жесткой, последовательной концепции в этом вопросе отрицательно сказывались на состоянии сельскохозяйственного производства. 10 июня 1919 г. было утверждено „Временное положение об Управлении Земледелия и Землеустройства”. Одна из семи частей управления занималась организацией землеустроительного дела на местах в связи с „аграрной реформой и переходом земли к малоземельному населению как по добровольному соглашению, так и путем принудительного, за плату, отчуждения” [18, 32]. Практических результатов оно тоже не принесло. Реализацией его некому было заниматься. Декларации и указы не подкреплялись юридическим оформлением механизмов их реализации и работой с кадрами на местах. Очевидно то, что Белое движение в аграрной политике не стремилось к реставрации прежних земельных отношений. Демонстрацией служит факт отклонения Деникиным в июне 1919 г. проекта министра земледелия В. Колокольцева, предлагавшего возврат захваченных земель помещикам [19, 31].

Второй проект, разработанный к ноябрю 1919 г. начальником управления юстиции Челищевым и профессором экономики Билимовичем, был несколько мягче, но не столько в содержании, сколько в формулировках, и также отражал интересы правых. Позже Деникин так оценил несостоятельность и политическую близорукость их авторов: „С тех пор маятник народных волеизъявлений качнулся далеко в сторону и новый закон не мог бы уже оказать никакого влияния на события и, во всяком случае, как орудие борьбы был совершенно непригоден”. В случае реализации этого аграрного проекта крестьянам перешло бы не более 30% помещичьей земли, с учетом же разных изъятий – всего 25% [20, 387]. Это аграрное законодательство было возможным до февраля 1917 г., в то время как в 1919 г., по словам официальных осведомителей, мужик хотел „хозяина” и „синюю бумажку” – нотариальный акт на купленную землю [21, 186].

В августе 1919 г. в Ставрополе начала действовать землеустроительная комиссия. Для

рассмотрения споров и возмещения убытков, причиненных землепользованию и землевладению, на территории, занимаемой белыми, были созданы сельскохозяйственные примирительные камеры. В Ставропольской губернии их было восемь – в пяти уездах и трех инородческих территориях [22, 238].

В отношении „инородцев” было издано постановление № 191 „Об утверждении временного положения об инородческих хозяйственных учреждениях Ставропольской губернии”. Оно объявляло о „разделении инородческого хозяйственного учреждения на Ставропольскую инородческую губернскую хозяйственную управу, Большедербетовское улусное, Туркменское и Ногайское местные хозяйственные управления и соответствующие сходы”. Перемены в формах организации и хозяйствования „инородческого” населения не планировались. Предусматривалось только усиление муниципального руководства и контроля его хозяйственной деятельности. По подсчетам Ставропольского Управления земледелия „инородческий” свободный фонд земель составил в 1919 г. 193311 десятин [23, 410]. Хотя конкретных действий с этой землей власти не предпринимали. Допускалась только аренда земли. Вышло несколько постановлений Добровольческого командования о материальной поддержке калмыцкого, туркменского и ногайского народов [24, 19-20]. Такая политика не противоречила привычному укладу жизни местного населения, поэтому не вызывала протеста, но и активной поддержки тоже.

Отношение ставропольского крестьянства к аграрной политике лидеров „добровольчества” оставалось настороженным. Для него хозяйственное благополучие значило несравненно больше, чем любые непонятные идеи и программы, а также вынужденное участие в войне на любой стороне. Деникинская власть не понимала этого. Поэтому в неспособности решить аграрный вопрос на крестьянской территории был заложен алгоритм поражения Белого движения. В начале гражданской войны на стороне Добровольческой армии находилось преобладающее количество местного крестьянства, но отсутствие созидательной политики сделало Белое движение чуждым ставропольскому сельскому сообществу.

1. См.: Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России. Сущность, эволюция и некоторые итоги. - М., 1993; Цветков В.Ж. Аграрная политика белогвардейских правительств Деникина и Врангеля (1919-1920 гг.). - М., 1996; Суетов Л.А. Белое дело. - Спб., 2000; Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. - М., 2001. Карпенко С.В. Очерки истории белого движения на юге России (1917-1920 гг.). - М., 2003; Гражданская война в России (1917-1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия // Сборник материалов научной конференции / Под ред. Г.М. Ипполитова, О.А. Тарабриной. - Самара, 2009; и др.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее - ГАСК). - Ф. 17. - Оп. 12. - Д. 551.
3. ГАСК. - Ф. 3225. - Оп. 1. - Д. 1.
4. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). - София, 1921.
5. Кин Д. Деникинщина. - Л., 1927.
6. ГАСК. - Ф. 870. - Оп. 1. - Д. 2.

7. ГАСК. - Ф.р. 820. - Оп. 1. - Д. 12.
8. Краснодарский центр хранения документов новейшей истории. - Ф.р. 1774. - Оп. 2. - Д. 705.
9. ГАСК. - Ф.р. 83. - Оп. 1. - Д. 11.
10. Государственный архив Краснодарского края. - Ф.р. 6. - Оп. 1. - Д. 205.
11. ГАСК. - Ф.р. 970. - Оп. 1. - Д. 16.
12. ГАСК. - Ф.р. 5. - Оп. 1. - Д. 176.
13. ГАСК. - Ф.р. 869. - Оп. 1. - Д. 2.
14. Российский государственный архив социально-политической истории. - Ф. 17. - Оп. 68. - Д. 182.
15. ГАСК. - Ф. 857. - Оп. 1. - Д. 149.
16. ГАСК. - Ф. 96. - Оп. 3 - Д. 202.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). - Ф. 879. - Оп. 1. - Д. 42.
18. ГАСК. - Ф.872. - Оп. 2. - Д. 15.
19. ГАРФ. - Ф. 446. - Оп. 2. - Д. 2.
20. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооружённые силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. – Мн., 2002.
21. Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918-1919). - Берлин, 1923.
22. ГАРФ. - Ф. 440. - Оп. 1. - Д. 34а.
23. ГАСК. - Ф.876. - Оп. 1. - Д. 3.
24. ГАРФ. - Ф. 5827. - Оп. 1. - Д. 105.

В.В. Вісін

**СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНІ УМОВИ
ВІДРОДЖЕННЯ ТА РОЗВИТКУ
УКРАЇНСЬКОЇ СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКОЇ
КООПЕРАЦІЇ У ВОЛИНСЬКОМУ
ВОЄВОДСТВІ В 20-х рр. ХХ ст.**

